

Check for updates

Теория познания

УДК 18

EDN LGMIWJ

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-1-12-20>

Онтология символического и эстетическая рефлексия

А. А. Грякалов ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные соотношения символических конструкций бытия и рефлексии философско-эстетического сознания. Исследованы роль и значимость символических построений, приобретающих онтологические характеристики в познании и социализации. Актуализирована онтология *символического*, оказывающая существенное влияние на социальную онтологию и понимание бытия в целом. Это особенно значимо для современности, где эстетическое отношение к жизни, всегда связанное с чувственным переживанием и познанием, активно задействовано в манифестациях аффектированной социальной чувственности. На этом фоне происходит онтологизация символического, предстающая в текстоцентризме современности — позиционированная в совокупности текстов, она рассматривается как глобальное *произведение*, где одновременно актуализированы эффекты *произведенности* и *извода*.

Эти эффекты предстают нагляднее всего в модусах символической «спектаклярности» (Ги Дебор): *реальное* поглощено *моделью*, онтология спроецирована в дискурсивные «практики признания истины». Феномены символического предписывают порядок познания и поступания: «знаковый характер» действий смещается в сторону понимания их как символически выраженной материальности. Вследствие этого в центре внимания оказываются физиологические, аффективные, энергетические и моторные реакции — в целом порождаемый ими совокупный чувственный опыт.

В сфере социальной онтологии это значит в конечном счете, что акт отправления власти предстает в форме *перформанса*.

Эстетика текстуальности словно бы предписывает объектной и человеческой размерности порядок социальных отношений — задает актуальный ход понимания. Символическое создает представления об объектности, которая пребывает между символическим «самим по себе» и его действиями в области прагматики («*театральность*») — создается новый обширный объект социальности. Энергия этой *стяженности* создает и новые отношения с бытием символического «самого по себе» — с тем, как оно воспроизводится, и теми проекциями, которые возникают в социальных отношениях. В статье отмечена значимость открытий представителей отечественной гуманитарной науки и плодотворность методологических идей славянского структурализма, где глубоко исследована соотнесенность произведений-объектов в их автономной структурности с социальными отношениями и эпистемологическими стратегиями гуманитарного знания.

Ключевые слова: рефлексия, познание, онтология, символическое, гуманитарная теория, текст, структура, дискурс, событие

Для цитирования: Грякалов, А. А. (2024) Онтология символического и эстетическая рефлексия. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 6, № 1, с. 12–20. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-1-12-20> EDN LGMIWJ

Получена 26 июня 2023; прошла рецензирование 25 января 2024; принята 26 января 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. А. Грякалов (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Aesthetic reflection and the ontology of the symbolic

A. A. Gryakalov ¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Gryakalov, A. A. (2024) Aesthetic reflection and the ontology of the symbolic. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 6, no. 1, pp. 12–20. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-1-12-20> EDN LGMIWJ

Received 26 June 2023; reviewed 25 January 2024; accepted 26 January 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. A. Gryakalov (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article deals with the problematic relations between the sphere of symbolic constructions of being and the reflection of the philosophical and aesthetic consciousness. The article examines the role and significance of symbolic constructions that acquire ontological characteristics in cognition and socialization. The author describes on forward the ontological logic of the symbolic, which logic has a significant impact on the social ontology and understanding of being in general. This is especially significant for modernity, where the aesthetic attitude to life, which is always connected with sensual experience and cognition, is actively involved in manifestations of affective social sensibility. Against this background, the symbolic undergoes ontologization, which manifests itself in the text-centrism of today — positioned in a set of texts, today's reality seen as a global work of art, where the effects of production and output are simultaneously actualized.

In the realm of social ontology this ultimately means that the act of exercising power is always a kind of performance.

The aesthetics of textuality seems to prescribe the order of social relations to the object and human dimension — it sets the actual course of understanding. The symbolic creates representations of objectness, which resides between the symbolic “by itself” and its actions in the field of pragmatics (‘theatricality’) — a new extensive object of sociality is created. The energy of this constriction also creates a new relationship with the being of the symbolic ‘in itself’ — with the way it is reproduced and with the projections that arise in social relations. The article highlights the significance of Russian scholars’ humanities research and the fruitfulness of methodological ideas of Slavic structuralists, who deeply researched the correlation of works-objects in their autonomous structure with social relations and epistemological strategies of humanities.

Keywords: reflection, cognition, ontology, symbolic, humanitarian theory, text, structure, discourse, event

Введение

Происходящие в глобальном мире сближение и противостояние сил, такие как борьба за территорию, ресурсы и экономические носители, несмотря на конкретный характер своих причин и условий, объясняются посредством *символических* конструкций, приобретающих онтологический характер.

Формируется претендующая на первичность дискурсивная онтология символического, что можно считать существенным фактором изменений социальной онтологии. «В этом — исток современности: она приносит с собой разворачивание «субъективного» в относительно объективное, разворачивание того, что было зыбким и не давало основы и опоры, в задающее себе самому опору и основу; превращение дикого мира в сделанное и придуманное нами» (Слотердаик 2001, 570). Вследствие возросшей значимости аффектированной чувственности символическое являет себя через эстетическое сознание: «Современность возникает, когда

манифестирует себя новое поэтическое мышление, стремящееся адекватно выразить время, что связано с именем Бодлера» (Schneider 2002, 101).

Текст довел до предела идею оформленности.

Символическое онтологизируется — оно являет себя в виде воплощенной в символической объектности субъективности, опыта и рефлексии *формы, структуры, текста и письма*. «Текст — такое социальное пространство, где ни одному языку не дано укрыться и ни один говорящий субъект не остается в роли судьи, хозяина, аналитика, исповедника, дешифровщика; теория *Текста* необходимо сливается с практикой письма. *Письмо* творит смысл, записывая его, поверяя его гравюре, борозде, рельефу, поверхности... Письмо как начало чистой историчности, чистой традиционности есть лишь телос истории письма, философия которой еще должна прийти» (Барт 1989, 422).

Можно утверждать, что современность предельно текстоцентрична. Коренящаяся в совокупности текстов, она предстает как глобальное *произведение*. Это позволяет эстетическому

опыту и эстетическому осмыслению действительности очерчивать возможности модусов социального бытия и заявлять о себе как о важном компоненте социальной онтологии. На уровне субъекта «воля писать» переводит мысль в состояние «воли к бытию» — здесь можно говорить о вводимом Хайдеггером понятии «чистого слова», не мыслимого «в прямоте его сущности» как знака или значения (Деррида 2000, 22).

Феномены символического не просто дешифруются в системе ценностей и смыслов, а предписывают порядок познания и поступания — «знаковый характер действий смещается в сторону понимания их как специфической материальности, в центре внимания оказываются как физиологические, аффективные, энергетические и моторные реакции, так и порождаемый ими богатый чувственный опыт» (Фишер-Лихте 2021, 41–42).

В сфере социальной онтологии это значит в конечном счете, что политическое действие всегда предстает в форме некоего *перформанса*.

Даже предельно аффектированная социальная чувственность при всей кажущейся спонтанности во многом подчинена стратегиям явного или неявного символического воздействия.

Текстоцентризм и рефлексия

Эстетика текстуальности не замещает социальную онтологию, а задает актуальный ход понимания: символическое создает представления об объектности, которая пребывает между символическим «самим по себе» и его действиями в области прагматики («*театральность*») — создается новый обширный объект социальности. Энергия этой *стяженности* создает и новые отношения с бытием символического «самого по себе» — с тем, как оно воспроизводится, и теми проекциями, которые возникают в социальных отношениях. И если в объектно-ориентированной онтологии, где эстетика понимается как «первая философия», поскольку опирается на небуквальный характер своих объектов, которые не могут быть парфразированы в виде своих качеств, ставит акцент на независимости объектов от всех отношений (Харман 2023), то, уточняя, имеет смысл показать взаимообращенность действий символического и объектного. Следует благодарно отметить, что взаимодейственность произведений-объектов с их автономной структурностью и социальными отношениями была актуализирована и плодотворно исследована в эстетике русского формализма и славянского структурализма (Грякалов 2021).

На фоне всего вышесказанного следует заметить, что засилье и очевидная значимость символического не предполагают полной смещенности и действительности предметной объектности. Символический порядок, используя выражение Грэма Хармана, «всегда испещрен дырами» (Харман 2023, 87). Возникающая в результате взаимодействия символических практик и предметных процессов гетерогенная смысловая множественность как раз и задает возможности для онтологизации символического. Но встает вопрос об особенностях эстетического и соответствующей рефлексии, способной влиять на философское сознание: как оно действует в процессах онтологизации символического?

Актуальное эстетическое не может быть однозначно уложено в пространство общего смысла, даже если расположить его в идущем от Канта предельно объемном понятии *автономности*, как это делают представители объектно-ориентированной онтологии. «Новая красота» не связана с прежними идеалами. Более того, нет универсализирующего связного повествования — «большой рассказ» невозможен о самом эстетическом.

Человеку конца XX и начала XXI века свойственно мыслить себя как «человека эстетического». Мир представляется ему посредством чувственно-телесного интуирования, опыта предела или пограничности, возвышенного поступка или жеста. Благодаря эстетической повторяемости можно говорить об *эффекте реальности* современности, предстающей одновременно как завершенной в себе, так и выходящей за пределы дискурсивной определенности. При этом эстетическое выступает как «ключевая характеристика нашего времени, когда все больше элементов действительности переоформляется в эстетической форме и действительность в целом прочитывается как эстетическая конструкция» (Welsch 1993, 13).

Эстетическое и социальная пластика

Постсовременность обязана эстетическому поддержанием особого рода целостности. Эстетическое при этом выступает как соотношенность чувственно-телесного интуирования с конструктами и концептами, разворачивающаяся в пространстве актуализаций и повторений. Нет необходимости понимать искусство в качестве моста над бездной, разделяющей дискурсы политики, этики и познания. Это закономерно приводит к вопросам о природе и основаниях такого синтетического понимания современности, которые,

обращаясь к Ю. Хабермасу, сформулировал Ж. Ф. Лиотар: «Является ли целью современно-го проекта построение такого социокультурно-го единства, в недрах которого все элементы повседневной жизни и мышления найдут себе место, как в каком-то органическом целом? Или же тот подход, который надлежит пробить между гетерогенными языковыми играми — играми знания, этики и политики, — относится к иному строю, чем они сами? И если да, то каким образом сумеет он реализовать их действительный синтез?» (Лиотар 1994, 88).

Пытаясь ответить на эти вопросы, можно сказать, что в основе формирования особой социальной *пластики* лежит эстетическое: «Воля к власти означает пластический принцип всех наших ценностных суждений, скрытый принцип создания новых, еще не признанных ценностей. Природа воли к власти, по Ницше, — не в том, чтобы вождель, не в том даже, чтобы *брать*, но в том, чтобы *творить* и *отдавать*» (Делез 1997, 35). Пластика чувственно-телесного понимается в соотношении с формообразующей активностью, что в пределе выражается в радости жизненного утверждения. В таком случае вечное возвращение может быть понято как вечное утверждение — утверждение самого события жизни. Именно поэтому «*Вечное Возвращение является избирательным*» (Делез 1997, 63).

Эстетическое создает реальность, в которой символическое наполнено переживаниями и поэтому способно не только непосредственно вступать в жизнь, но создавать ее онтологическую оформленность. Это позволяет «событийно» обращаться к философии культуры и видеть особого рода единство, проходящее сквозь фрагментарный мир. От социологии к онтологии — сохранение перспектив наук о духе, сама возможность «видеть бытие».

В бытийной, повседневной и теоретической ориентации на эстезисе происходит проблематизация существования, создается особая эстетическая *метафизика*. Событие встречи дискурсивных стратегий делает возможным генезис смыслов. Это становится определяющим ориентиром познания: «Чем пытаться выстраивать картину, которая все равно не может быть полной, мы будем отталкиваться от характеристики, непосредственно определяющей наш предмет. Научное знание — вид дискурса» (Лиотар 1998, 17). Но тут следует добавить, что речь должна идти также о чутье, схватывании, опознании, распознании: мысль становится интересна, только когда всем телом тонет в бытии, природе или мире (Бибихин 2009, 131).

Эстетическое событие расщепляет символический универсум: уходят посредники между предметом и его выражением. Современность в этом смысле может быть понята как ноосферическое событие. Эстетические и ноосферические свойства современности выступают взаимными дополнениями друг друга, при этом эстетический опыт события переживается в качестве исходного. Обращенная к происходящему мысль вместе с опытом эстетической рефлексии конфигурируют событие современности.

С открытостью события имеет дело не только эстетика, но и обыденное сознание, философия поступка, а также неклассическая наука, допускающие неопределенность, судьбу. Опыт научного и повседневного существования постоянно устраняет материал, определяя научный и социокультурный «мусор», отсеивание которого непосредственно свидетельствует о значимости того, что остается. В данном случае опыт и рефлексия доходят до состояния взаимной нудительности. Событие создается в результате взаимодействия философии и эстетического опыта. Оно выходит за пределы культуры — именно в нем становится очевидно, что культура, по словам П. А. Флоренского, висит над *бездной*. Не случайно, что эстезис направлен к бездне, к тому вплывающему в сознание культуры и осмысливаемому в философии бытийному началу, которое вызывает в отношении к себе все новые и новые вопросы. Осмысляя событие, философия приближается к пределу. То есть она говорит нам собственными своими устами о том, что существование (наличное бытие) *не является* самоконституированием смысла, но дает *бытие*, предшествующее смыслу или выходящее за его пределы, не совпадающее с ним и *состоящее* в этом несовпадении (Нанси 1991, 94).

Это взаимодействие чувственного и рефлексивного в эстетическом событии существует как особая одновременность взаимодействий, где невозможно однозначно различить исток и исход. Современность удерживается особым опытом эстетического с его неопределенностью, чувственностью, возвышенностью и интенсивностью представления, переживания и осмысления, проективностью, гадательностью и принципиальной неисчерпанностью в понятии. Открывающийся в этой связи опыт, который следует признать парадоксальным, относится к данностям особого рода, выходя за пределы моделирования и рефлексии, а также постоянно преодолевая определенность чувственной формы. На уровне повседневности это дано в формах поведения и конструировании легитимирующей

манифестации. Деррида упоминает *хор* как гибридное представление, которые является «как бы в грезах», что, с одной стороны, лишает его ясности, а с другой — придает ему божественную власть. «Речь о хоре, таким образом, играет для философии роль, сходную с той, что «сама» хора играет в отношении того, о чем говорит философия, а именно, с-формированного и ин-формированного в соответствии с образцом космоса. <...> ...хорошо сформированный *логос* должен походять на живое тело» (Деррида 1998, 138, 185).

Событие и эстетический опыт

Так понимаемое событие отличается от тех его толкований, которые даны в современных вариантах классической метафизики, где оно интерпретируется как представление субстанции, последовательность воплощенных событий, в свою очередь, понимаются как ее выражение. Событие оказывается «репрезентирующим овнешнением» субстанции, которая определяется как «сумма событий» (Meixner 1997, 342).

При подобном рассмотрении события *без* субстанции оставались бы лишь возможностью, а без событий ни одна субстанция не могла бы «выступить» из самой себя ни в действии, ни в сознании. В этой проекции тема события оказывается неотделимой от вопроса об Абсолюте: «Здесь открывает Бог свое господство» — метафизическая точка зрения доходит до религиозного понимания последних вещей и вопросов (Meixner 1997, 364–365). Через событие субстанция реализует универсализм возможностей, или Абсолют.

Для таких вариантов современной метафизики, которые кажутся вовсе не затронутыми временем, событие дано как опосредование и выражение. Оно оказывается чисто служебным моментом или своеобразным знаком, отсылающим в совокупности с другими знаками к представлению субстанциальной полноты. Если трактовать понятие события в этом плане, то, как нам представляется, в понимание современности оно привнесло бы очень немногое.

В предлагаемой статье событие понято как своеобразная взаимообращенность эстетизиса и логоса — пределами событийности выступают эстетический опыт и рефлекслирующая мысль. Адекватное понимание современности, как нам представляется, состоит в истолковании события через взаимодополнение двух начал. Событие, создаваемое взаимостремлением эстетизиса и логоса, есть именно феномен, а не средство

выражения. Соответственно, поворот сознания вокруг события в пределе способен обнаружить не исходную заданность абсолютного смысла, а лишь другое событие, возникающее здесь и теперь. Так полагаемое событие не просто всегда современно, а именно своевременно, ведь всякая современность в себе самой уже содержит собственную исчерпанность.

Произведение искусства — событие встречи, оно одновременно индивидуально и закономерно; в нем хаос просвечивает сквозь логику композиции как рационального построения — именно такое представление сложилось у истоков структуралистского логоса (Жирмунский 1921, 6).

Обращение к понятию эстетизиса в этой связи менее всего означает замыкание исследования в пределах эстетической ценности. Речь, как нам представляется, следует вести о расширении смыслового пространства онтологии. *Эстетизис* как феномен — особая организация познавательного опыта и поименования. В качестве же понятия эстетизис соотносим с идеями выразительности, изображения, символизации, культурной константы, проблемой воображения и возможных миров, наконец, с темой *философии имени*, чрезвычайно значимой для русской философской традиции. Особое внимание к эстетической практике авангарда связано с тем, что именно она представлена как эстетическое событие жизнестроения.

В своих наиболее актуальных формах философия текущего столетия активно сближается с эстетическим сознанием — представления и понятия авангардного эстетического опыта могут быть поставлены в прямое соответствие с теорией и практикой *деконструкции*. И дело не в догматическом стремлении удержать представление о целостности в ситуации постсовременности, когда любая целостность может быть дана в описании лишь фрагментарно. Лишь выбор особого угла зрения на событийность, в которой современность себя манифестирует и осознает, гарантирует творческую продуктивность.

Внимательное отслеживание события путем реконструкции свидетельствует прежде всего об одном: событие оказывается уходящим из сетей истолкования и не схватываемо через обращение только к символическому («структура»), а предполагает укорененность в событийную онтологию. Структуралистский подход и не связанный с символическими практиками онтологический взгляд утратили обаяние для ситуации XXI века, но получившие распространение синтетические построения («реалистически ориентированная философия, объектно ориен-

тированная онтология») также оказываются малосодержательными.

Событие («встреча») рождается в эстетическом опыте и рефлексивном постижении таким образом, что опыт и рефлексия оказываются постоянно смещаемы с собственных путей и представлений в развертывании события. Но этот путь *ухода* не случаен и не корыстен — представление события одновременно же представление горизонтов истока, где исток — не точки детерминации, а устойчивые данности жизнестроения («антропологическая константа»). Именно приключения *Homo Aestheticus* — существа интенсивно проживаемого опыта — представляют пути необходимой нудительности: событие как бы стремится к своему *месту*, находясь каждый раз в разном времени, но все времена совпадают во времени повтора, проживаемого всякий раз с новым стремлением осуществить событие смысла.

Эстетический опыт и рефлексия

История взаимодействия эстетизиса и онтологического логоса такова, что они как бы сливаются в событийности особой формы, в рамках которой темы телесности, жеста, дорефлексивного опыта, «заумного языка» или глоссолалии повторены в темах дискурса, письма, философской идиоматики, сверхрационального интуирования «нового гносиса» и «нового рационализма» (по Г. Башлярю).

Рефлексия, имея дело с эстетическим опытом, предстает в постоянной корректировке позиций. Ведь как только возникает опыт — возникает отсылка к чему-то иному, как-то: следу, тексту, а чтобы след оставил след, требуется помещение его в пространство мысли («опространствление»). Рефлексия бытия топологически связана с опытом события, а по поводу его преобразования формируются новые позиции. Взаимодействие топологических метафор создает то, что можно обозначить в качестве «топологической метафизики». Мысль включается в пространство эстетического опыта, а этот опыт, в свою очередь, метафизически «спроектирован» и осмыслен. «Реальность» выступает в актуальном состоянии становящихся смыслов, ни один из которых не может обойтись без мотивации и «следа». Письмо в конечном счете становится самодостаточным («онтологизация»). Переход же от со-бытия («интерсубъективности») к событию прерывает самодостаточность развертывания письма — актуальной может стать данность («произведение») или процесс взаимодействия предметного

и символического. Речь не о том, что письмо дает состояться «эффекту реальности» (Р. Барт), а о действительном присутствии («предметности») места. Дело состоит не в очевидной смещенности границ жанров («высокое и низкое переплелись в одном узоре»). Привязка к месту актуально тематизирует мысль — обращение к событию не означает ressentimenta приведения к идеалу.

Эстетическая топография выступает не только как определенность самого эстетического, но прежде всего как принципиальная характеристика мысли. Ведь в повседневном сознании актуальность современного неотделима от того, что проходит, перестает быть, выпадает — выбрасывается, им начинают пренебрегать («мусор культуры») в стремлении к новому. В эстетическом опыте и рефлексии очевидно представлены мотивы смещения, ухода, «штушеванности» — именно эти оттенки понимания соотношены с темой неизменно открывающейся неподлинности. Наряду с несомненной значимостью современность содержит элемент потешной частности: «делу — время, потехе — час». И хотя настоящее всегда именно сейчас и событие происходит в сей-час, оно не укладывается в *сейчас* совсем не по причине того, что интенция настоящего предполагает соотношенность с другими «моментами» времени.

Событие — действительность поименованная, символически освоенная, но не присвоенная господствующим языком, дискурсом или парадигмой. Событие как бы просеивается сквозь сеть со-бытийности и выходит к пределу диалога. И зачастую оно странно не воспринято «мы-переживанием» (М. М. Бахтин) современников — господствующие языки описания как бы пропустили его: событие *некоторым образом* провалилось в щели системологик и оказалось несущественным для системотехник. Чтоб понимать, нужно современным именно *не* быть, отмечал не принятый современниками писатель-метафизик Сигизмунд Кржижановский. И труднее всего именно *не быть* современником. Экзистенциальное «быть или не быть» — порождение (со)временного гуманистического сознания — *быть и не быть* обращены к разным основаниям и предполагают событийную перспективу: «Высшие гуманистические определения человеческого человека еще не достигают собственного достоинства человека» (Хайдеггер 1993, 201). *Эстетика события* может противостоять *трансэстетике* и апокалиптическому тону современности, в котором тема конца («смерть») тематизирована способами, доходящими до противоположности.

В конструктивном смысле обращение к теме *конца* может означать то, что философия как минимум достигла своей определенной произведенности, завершения, свершенности, что вовсе не равносильно исчезновению (Нанси 1991, 93). И превращение философии в «творчество концептов», используя терминологию Ж. Делёза и Ф. Гваттари, невозможно без телесно-пластических интуиций особого рода, их соответствующей оформленности и структуризации в определенных местах. Дело не сводится к тому, что философская истина соотносена с определенным сообществом, соединенным опытом первичного переживания и рефлексивного представления. Сообщество имеет дело с собственной событийностью, возникшей как необходимость совместного поиска смысла. В данном случае актуализированы оказываются топосы смыслогенеза.

Вопрос об истине в этой системе координат неотделим от *онтологических* вопросов места и времени — том реальном следовании смысла, который происходит здесь и теперь. В конечном счете вопрос прорыва к бытию оказывается вопросом о символизме совместного существования. Смысл бытия и бытие смысла приносятся в жертву процессу совместности: общее бытие конституирует себя как свой собственный смысл. Внутренняя истина присутствия и закон ее производства разрушают (общую) философию. Именно в эстетическом образе («эстетическая топография») мы приближаемся к пределу философии события: может казаться, что она как бы вовсе философией перестает быть. Но предел содержит в себе то, что и обозначается как *схватывание*. Вспомним о значимости интенции *схватывания* для Канта, когда он рассуждает об особенностях «фигуративного синтеза» в познании (Кант 1994, 110). Философия, подошедшая к своему пределу, выводит событие за рамки возможностей самоконституирования смысла — дается бытие, предшествующее смыслу или выходящее за его определенность, не совпадающее с ним и состоящее в этом несовпадении. Положение философа, оказывающегося в состоянии охваченности ужасом и чувством несовместимости мысли и мира, заставляет обратиться в конечном счете к особому эстетическому философствованию, в котором символические и чувственно-телесные интуиции предельно приближены к онтологической событийности.

Требование эпохи, на что особое внимание обращал Ж.-Л. Нанси, состоит в развенчании или удержании под подозрением «производства смысла». Нужно иметь дело с проявлением *самой вещи* — чрезвычайно показательно —

«событийно» — то, что повторяют столь отличные друг от друга мыслители, как М. Хайдеггер и Ж. Лакан. Истина понята в ее событийности и соотносима ни с чем иным, кроме как с нею самой: существует реальное как таковое. Истина владеет человеком, он же ею не обладает (Нанси 1996, 92).

Философствование, ориентированное на эстетизис, действует двояко. Оно, причем одновременно, тематизирует те представления, которые соответствуют понятию, и, одновременно, те, которые показывают его ограниченность, вызывая развертывание. «Революционный шаг Канта в его самом основном открытии, которое он сделал, пользуясь трансцендентальной методикой или трансцендентальным аппаратом, было открытие эстетизиса, т. е. конечности, физической конечности человека на уровне познавательных процессов, где действует *физическое* ограничение *данности* пространства и времени или пространственности и временности в реализации и актуализации любых возможных суждений о мире. Любые суждения о мире, в том числе о ненаблюдаемых человеком явлениях, в том числе о явлениях, которые превосходят размерность человеческого психического аппарата, должны быть каким-то конечным числом шагов быть разрешаемы на моделях, построенных в эстетизисе. Тогда мы мир, относительно которого наши понятия разрешимы на эстетизисных моделях, можем понимать» (Мамардашвили 1994, 52). Одной из важнейших функций эстетического опыта, включенного в постоянную соотношенность с философией, является сохранение философского сообщества. Ницше не случайно указывал, что искусство необходимо людям для того, чтобы они не умерли от однозначности объяснений.

Опыт эстетического доводит философствование до предельного состояния — вещь представлена так, что видоизменяет язык, заставляя его стремиться к собственному пределу, чтобы представлять другим для себя самого, и для того, чтобы дать возможность появиться в своем собственном разломе бытийному предстоянию вещиности.

Заключение

В заключении необходимо заметить, что возможности философии оказываются напрямую соотношенными с возможностью *эстетического* преодолевать никогда не устранимый разрыв между понятием и наличным бытием — «смещать» все те промахи, которые допускает философия в отношении к истории, политике, морали и самому искусству. Разрыв понятия и реальности —

трагическая ситуация, обнаруживающая нехватку размышления. Последнее ярко проявляется в кризисных ситуациях философии. Они, в свою очередь, определяют необходимость поворотов — в значительной мере кризис преодолевается именно эстетическим жестом, сохраняющим непосредственность бытия.

Драматизм ситуации заключается в том, что на пределе философия сталкивается с тем, что смысл не совпадает с бытием. Следует признать, что в этом случае обнаруживается тот предел, где не работает никакое объединяющее начало. Мир как бы становится необитаемым — перестает быть обителью смысла — по мере того, как отсутствие смысла им овладевает. Угнетающе звучит пессимистический вывод о том, что на пределе философии, на пределе сообщества мир уже не есть мир, он представляет собой кучу чего-то, вероятно, отбросов (Нанси 1996, 95).

Эта эстетическая интенция выступает как жест в направлении своего собственного смысла — жест, способный породить смыслообразование, обращать его к опыту собственного истока. Речь, как любил выражаться Нанси, идет в таких случаях о том, что может быть названо реализмом неприсваемой истины, что, и это надо четко понимать, не является синонимом отсутствующей истины. Эстетика в этом случае оказывается востребованной в качестве особого опыта работы с пределом («метафизика предельных состояний»). Исходная установка на чувственное взаимодействие с миром отличает

эстетику от понятийной практики понимания, удерживает метафизику предела в состоянии особой предметно-смысловой напряженности. На место *мусора*, о котором говорил Нанси (а до него можно вспомнить Гераклита), приходит что-то новое, смысла которого еще совсем не видно, ибо оно не поддается разрушенной проективной оптике современности. Сам факт слона проективных проекций, однако, предполагает новое усилие видения и понимания. Эпоха «мусорного ветра» населена разновидностями растрескавшегося образа *последнего человека* — затухающее говоренье в режиме поддержания уже никому не нужной сломленной современности. Тут освобождается место под что-то необходимое: становится ясно, что именно представлено как ненужное (образ человека, идея, чувство) и что — как необходимое.

Следует заметить, что эстезис предстает как постоянное усилие сохранения предела. Энергия эстетического опыта начинает проникать в ткань философствования, требуя его реформации.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Барт, Р. (1989) От произведения к тексту. В кн.: Г. С. Косикова (сост.). *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс, с. 312.
- Бибихин, В. В. (2009) *Чтение философии*. СПб.: Наука, 535 с.
- Грякалов, А. А. (2021) Сопряженность смыслов и субъективность (размышление над книгой). *Вопросы философии*, № 3, с. 135–145. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-3-135-145>
- Делез, Ж. (1997) *Ницше*. СПб.: Аксиома, 186 с.
- Деррида, Ж. (1998) *Эссе об имени*. М.: Изд-во Института экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 190 с.
- Деррида, Ж. (2000) *Письмо и различие*. СПб.: Академический Проект, 495 с.
- Жирмунский, В. М. (1921) *Композиция лирических стихотворений*. СПб.: Опояз, 107 с.
- Кант, И. (1994) *Критика чистого разума*. М.: Мысль, 591 с.
- Лиотар, Ж.-Ф. (1994) Ответ на вопрос: что такое постмодерн? *Ступени*, № 2, с. 72–98.
- Лиотар, Ж.-Ф. (1998) *Состояние постмодерна*. М.: Изд-во Института экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 159 с.
- Мамардашвили, М. К. (1994) *Классический и неклассический идеалы рациональности*. М.: Лабиринт, 176 с.
- Нанси, Ж.-Л. (1991) О событии. В кн.: Н. В. Мотрошилова (ред.). *Философия Мартина Хайдеггера и современность*. М.: Наука, с. 91–102.
- Нанси, Ж.-Л. (1996) Нехватка ничто. В кн.: *Socio-logos: альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук*. М.: Изд-во Института экспериментальной социологии, с. 74–98.
- Слотердаик, П. (2001) *Критика цинического разума*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 583 с.
- Фишер-Лихте, Э. (2021) *Эстетика перформативности*. М.: Канон+, 384 с.
- Хайдеггер, М. (1993) Письмо о гуманизме. В кн.: В. В. Бибихин (сост.). *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, с. 192–220.

- Харман, Г. (2023) *Искусство и объекты*. М.: Изд-во Института Гайдара, 440 с.
- Meixner, U. (1997) *Ereignis und Substanz. Die Metaphysik von Realität*. Paderborn; München; Wien; Zürich: Centre for digital philosophy Verlag, 349 S.
- Schneider, N. (2002) *Geschichte der Ästhetik von der Aufklärung bis zur Postmoderne. Eine paradigmatische Einführung*. 6 Aufl. Stuttgart: Reclam Verlag, S. 93–138.
- Welsch, W. (1993) Das Ästhetische — Eine Schlüsselkategorie unseres Zeit? In: *Die Aktualität des Ästhetischen*. München: Wilhelm Fink Verlag, S. 11–29.

References

- Barth, R. (1989) Ot proizvedeniya k tekstu [From work to text]. In: G. S. Kosikova (comp.). *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika [Selected works. Semiotics. Poetics]*. Moscow: Progress Publ., p. 312. (In Russian)
- Bibikhin, V. V. (2009) *Chtenie filosofii [Reading Philosophy]*. Saint Petersburg: Nauka Publ., 535 p. (In Russian)
- Deleuze, J. (1997) *Nitsshe [Nietzsche]*. Saint Petersburg: Axioma Publ., 186 p. (In Russian)
- Derrida, J. (1998) *Esse ob imeni [Essays on the name]*. Moscow: Institute of Experimental Sociology Publ.; Saint Petersburg: Aletheia Publ., 190 p. (In Russian)
- Derrida, J. (2000) *Pis'mo i razlichie [Writing and distinction]*. Saint Petersburg: Akademicheskij Proekt Publ., 495 p. (In Russian)
- Fischer-Lichte, E (2021) *Estetika performativnosti [The aesthetics of performativity]*. Moscow: Kanon+ Publ., 384 p. (In Russian)
- Gryakalov, A. A. (2021) Sopryazhennost' smyslov i sub'ektivnost' (razmyshlenie nad knigoy) [Conjugacy of meanings and subjectivity (reflections on the book)]. *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 135–145. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-3-135-145> (In Russian)
- Harman, G. (2023) *Iskusstvo i obekty [Art and objects]*. Moscow: The Gaidar Institute Publ., 440 p. (In Russian)
- Heidegger, M. (1993) Pis'mo o gumanizme [Letter on humanism]. In: V. V. Bibikhin (comp.). *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya [Time and being: Articles and speeches]*. Moscow: Republic Publ., pp. 192–220. (In Russian)
- Kant, I. (1994) *Kritika chistogo razuma [Critique of pure reason]*. Moscow: Mysl' Publ., 591 p. (In Russian)
- Liotard, J.-F. (1994) Otvet na vopros: chto takoe postmodern? [Answer to the question: What is postmodernity?]. *Stupeni*, no. 2, pp. 72–98. (In Russian)
- Liotard, J.-F. (1998) *Sostoyanie postmoderna [The postmodern condition]*. Moscow: Institute of Experimental Sociology Publ.; Saint Petersburg: Aletheia Publ., 159 p. (In Russian)
- Mamardashvili, M. K. (1994) *Klassicheskij i neklassicheskij idealy ratsional'nosti [Classical and non-classical ideals of rationality]*. Moscow: Labirint Publ., 176 p. (In Russian)
- Meixner, U. (1997) *Ereignis und Substanz. Die Metaphysik von Realität [Event and substance. The metaphysics of reality]*. Paderborn; München; Wien; Zürich: Centre for digital philosophy Verlag, 349 S. (In German)
- Nancy, J.-L. (1991) O sobytii [About the event]. In: N. V. Motroshilova (ed.). *Filosofiya Martina Xajdeggera i sovremennost' [Martin Heidegger's philosophy and modernity]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 91–102. (In Russian)
- Nancy, J.-L. (1996). Nekhvatka nichto [Lack of nothing]. In: *Socio-logos: al'manakh Rossijskoj Akademii nauk [Socio-logos: Almanac of the Russian-French Center for Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]*. Moscow: Institute of Experimental Sociology Publ., pp. 74–98. (In Russian)
- Schneider, N. (2002) *Geschichte der Ästhetik von der Aufklärung bis zur Postmoderne. Eine paradigmatische Einführung*. 6 Aufl. Stuttgart: Reclam Verlag, S. 93–138. (In German)
- Sloterdijk, P. (2001) *Kritika tsinicheskogo razuma [Criticism of the cynical mind]*. Yekaterinburg: Ural University Press, 583 p. (In Russian)
- Welsch, W. (1993) Das Ästhetische — Eine Schlüsselkategorie unseres Zeit? In: *Die Aktualität des Ästhetischen*. München: Wilhelm Fink Verlag, S. 11–29. (In German)
- Zhirmunskij, V. M. (1921) *Kompozitsiya liricheskikh stikhotvorenij [The composition of lyric poems]*. Saint Petersburg: Oroyaz Publ., 107 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Алексей Алексеевич Грякалов

SPIN-код: [1285-0622](https://orcid.org/0000-0002-3036-4871), Scopus AuthorID: [57189570652](https://orcid.org/0000-0002-3036-4871), ORCID: [0000-0002-3036-4871](https://orcid.org/0000-0002-3036-4871), e-mail: alexalgr@mail.ru

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философской антропологии и истории философии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Alexey A. Gryakalov

SPIN: [1285-0622](https://orcid.org/0000-0002-3036-4871), Scopus AuthorID: [57189570652](https://orcid.org/0000-0002-3036-4871), ORCID: [0000-0002-3036-4871](https://orcid.org/0000-0002-3036-4871), e-mail: alexalgr@mail.ru

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia